

Валентин Замятин

Весенний ветер

ВАЛЕНТИН ЗАМЯТИН

Весенний ветер

Муниципальное
учреждение культуры
“Сургутская районная
центральная библиотека”

Сургут
2005г.

84(2 P_{0c}=P_{yc})6
3-269

Книга издана при финансовой поддержке комитета
по культуре администрации Сургутского района

Замятин В.П.

Весенний ветер: [стихи и очерки]/Валентин Замятин; ред., авт. вступ. ст. Д.Сергеев. — Сургут:
Зап.-Сиб.полиграф.компания, 2005. — 68 с., фот.

Валентин Петрович Замятин родился в 1940 году в селе Тундрино Сургутского района. После окончания педагогического института работал учителем в Ляминской, а затем директором Песчановской и Сытоминской школ, заведовал районным отделом народного образования, некоторое время был на партийной работе, а потом занимал должности председателя комитета районного Совета народных депутатов по социальным вопросам и заместителя главы администрации района.

Награжден знаком «Отличник народного просвещения». Почетный гражданин Сургутского района.

Стихотворения Валентина Петровича Замятина давно известны сургутским читателям по публикациям в местных газетах. Некоторые его произведения в 1994 году вошли в сборник стихов поэтов Сургута «Праздник первого снега» и в поэтический сборник авторов из Сургутского района «В палитре жизни все цвета» (1999 год). А первую свою авторскую книгу «Под синим пологом лесов», в которую помимо стихотворений вошли очерки о нашем крае и его людях, Валентин Петрович издал в 2001 году. Большая подборка его стихотворений была опубликована также в коллективном поэтическом сборнике «Север России», вышедшем в 2004 году.

И вот новая книга. В нее автор включил произведения разных лет, но в основном это стихотворения, написанные в последние годы. Они различны по содержанию, но через все творчество В.П. Замятина красной нитью проходит тема любви к своему Отечеству, к малой родине, ее природе и к людям, живущим в нашем крае. Валентин Петрович сумел не только рассказать о красоте нашей земли, но и нашел способ передать ощущение времени, меняющего наш регион, поделился с читателями яркими незабываемыми воспоминаниями из истории Сургута и района, рассказал о своих заслуженных земляках.

Отдельно стоит в сборнике очерк, посвященный памяти известного сургутского журналиста и краеведа Ивана Прокопьевича Захарова. При этом автор

подошел к теме не формально, не написал, как это часто делают, стандартный парадный портрет для Доски почета, а постарался изобразить неординарного человека со всеми его индивидуальными чертами и особенностями характера.

Новый сборник В.П. Замятина, несомненно, вызовет живой интерес у читателей и в первую очередь у сургутян и жителей нашей глубинки, которая так живо представлена в произведениях автора.

Дмитрий Сергеев,
член Союза журналистов РФ,
член Союза писателей России

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Пьянит меня весенний ветер,
Им надыхаться не могу,
Едва в волнении заметил
Траву в подтаявшем снегу.

Проталин окна голубеют.
Березы крохотный росток
Вот-вот, стесняясь и робея,
Зеленый выпустит листок.

Звенит ручьями птичье пенье,
И первых уток табунки
В шальном ребяческом забвеньи
Кругами ходят у реки.

В дрожащем мареве волнами
Плывет куда-то косогор.
Рыбак торопится с сетями
На разливающийся сор.

И воздух, влагой напоенный,
Быстрей по жилам гонит кровь.
Брожу, как заново рожденный,
Весною полон до краев.

А солнце золотом сверкает
Над белым куполом берез,
И синий ветер увлекает
В страну давно забытых грез.

РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ

Немало я поездил, побродил,
Бывал в Кузбассе, в солнечной Кубани,
На Иссык-Куле горный воздух пил
И жарил осетров на Капчагае.

На море Черном знойной суеты
Я вынести не мог и две недели,
Казались мне бумажными цветы
И жестяные пальмы надоели.

В Америке, размахом оглушен,
За небоскребами не видел неба своды.
Плыл на пароме по реке Гудзон
Близ равнодушной статуи Свободы.

И в Вашингтоне тоже побывал,
Вплоть до лужайки перед Белым домом.
Меня тогда за плечи обнимал
Друг-полисмен, потомок дяди Тома.

Был в Балтиморе, во Флориде был.
В волнах Атлантики омыл однажды ноги.
Я там, пожалуй, года б не прожил —
Все снились бы «сибирские берлоги».

Опять войду в кедровый дивный бор,
Взгляну на Обь и на Курью в разливе,
Сквозь тальники уеду в ближний сор
И разведу костер на старой гриве.

Речной овеет свежестью лицо,
Подступит вдруг заветное такое,
Что перешло от дедов и отцов
И не дает нам с юности покоя...

МАМЫ, ОСТАВАЙТЕСЬ МОЛОДЫМИ!

Мама... Слово теплое какое!
В нем любовь и нежность без конца,
Что-то в нем заложено такое,
Что с рожденья греет нам сердца.

Мама — это ласковые руки,
Мудрые усталые глаза,
Их слеза туманит при разлуке,
А при встрече — радости слеза.

Мама — это добрая улыбка,
От нее уютно и легко.
Маме признаемся мы в ошибках,
И беда уходит далеко.

Мамы, оставайтесь молодыми,
Жизнь без вас, как сумерки, грустна.
Только с вами, милыми, родными,
На душе — поющая весна!

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето — лучшая пора
Оглянуться в сутолоке вечной,
Ни тебе мошки, ни комара,
Жалко, что оно так скоротечно!

Светятся прозрачные леса,
Дремлет невидимка-паутина.
Смолкли птиц живые голоса,
Пламенеет гроздьями рябина.

Замерли высокие стога
За деревней пестрой вереницей.
Темной ночью падают в луга
Грозами рожденные зарницы.

На земле — куда ни посмотри,
Радужным лоскутным одеялом
Осень всеми красками горит,
Красотой живущих надеяля.

Самых ярких листьев наберу,
Положу их в книжку со стихами:
Бабье лето я зимой верну,
Когда мир укроется снегами.

КРАСИВ МОЙ КРАЙ...

Разгульный ветер шляется в лесах,
Рвет полог листьев, кроны обнажая,
И рощи-яхты в пестрых парусах,
Покачиваясь, лето провожают.

Раскинув руки, выйду на бугор,
Взгляну на луг заречный со стогами,
Пойму пролетный птичий разговор,
Наполненный прощальными словами.

Красив мой край осеннею порой —
Немного грустный, нежно утонченный.
Разлит в природе пушкинский настрой,
Родивший стих, никем не превзойденный.

И я опять в волнении шепчу
В небесную сентябрьскую просинь:
Склоняюсь перед Вами и молчу,
Вы, Пушкин, первым нас влюбили в осень!

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Дожди, дожди... Хоть в доску расшибись,
Ничем тоски осенней не разгонишь.
В который раз кричу дождю: «Уймись!»
Но он упрям, его не остановишь.

Илья-пророк мне страшно надоел,
Опять грохочет в небе колесницей.
И я сегодня, кажется, созрел,
Чтобы ему в колеса вставить спицу.

Земля сырая влагу не берет,
И ей давно уже ничто не мило,
А дождь безумный снова льет и льет,
Как будто небо почки застудило!

Веду строку разгневанным пером,
А вдруг да чудо все-таки случится!
И вот свершилось: затихает гром,
И за окном поют, как прежде, птицы.

Блеснуло солнце в просини небес,
Дождем омытый сад благоухает.
Уходит из души унылый бес,
А я иду за новыми стихами!

У ШИРОКОЙ РЕКИ

У широкой реки
Бурям всем вопреки
Небольшой наш поселок живет.
Здесь в цветах каждый дом,
И рябины кругом,
И народ хорошо здесь поет.

Посмотри в неба синь,
Поле взглядом окинь,
Свежим ветром речным подыши.
Прогуляйся в бору
Да постой на яру —
И оставишь частичку души!

Здесь черемуха цвет
Сыплет гроздьями вслед —
Нет обратно дороги-пути.
Ведь не зря говорят:

Лучше наших девчат
И в районе во всем не найти!

В гости к нам заходи,
Светлый клуб погляди —
Ты красивых таких не видал!
Под баян мы споем
И немного нальем,
Чтобы песню другим передал.

Припев: Подпевай, волна обская,
Улетайте, чайки, ввысь!
Лейся, песня, не смолкая,
Про родной Высокий Мыс.

ЧЕЛОВЕК

Ах, как много в стране поэтов,
Что богатым хвалу поют!
Что строгоют для них сонеты
И над нищими слезы льют.

Так и кормится век от века
Этих писарей жалкий рой,
Что достоинства человека
Измеряют его мошной.

А по мне — не в богатстве слава!
Дунь — и скроется без следа.
Лишь бы только жила держава,
А все прочее — ерунда.

Пусть растает на белом свете
Страсть к наживе, как вешний снег..
Да останется при поэте
Званье гордое — Человек!

ТЫ ПОМНИШЬ...

Ты помнишь, дождь хлестал как из ведра,
И впору было дальше плыть на лодке!
Ползли вперед трудяги-трактора
По шаткой измочаленной лежневке.

Летели траки и рвались троса,
И кренились прицепы, замирая.
Черны, как черти, не узнать лица —
Мы руки в кровь в горячке обдирали.

Ты помнишь, как на первом бугорке
Мы встали под приметною рябиной.
Молчали парни, словно в столбняке,
Не в силах даже выйти из кабины.

Но ты поднялся, запалил костер,
И все сошлись перекусить немного,
И крепкий чай глотали, как ликер,
И трепетала нервами дорога.

А утром снова — к дальней буровой
По колее разъезженной и зыбкой.
Вновь рычаги послушны под рукой,
И места нет сомнению и ошибке.

И так прошли не день, не год, не два,
И те дороги в памяти остались.
Когда с тобою, отдохнув едва,
Мы в новый путь надолго отправлялись.

Ты помнишь, жены ждали нас в балках,
А были мы такими молодыми!
При встречах их носили на руках
И трудно было расставаться с ними...

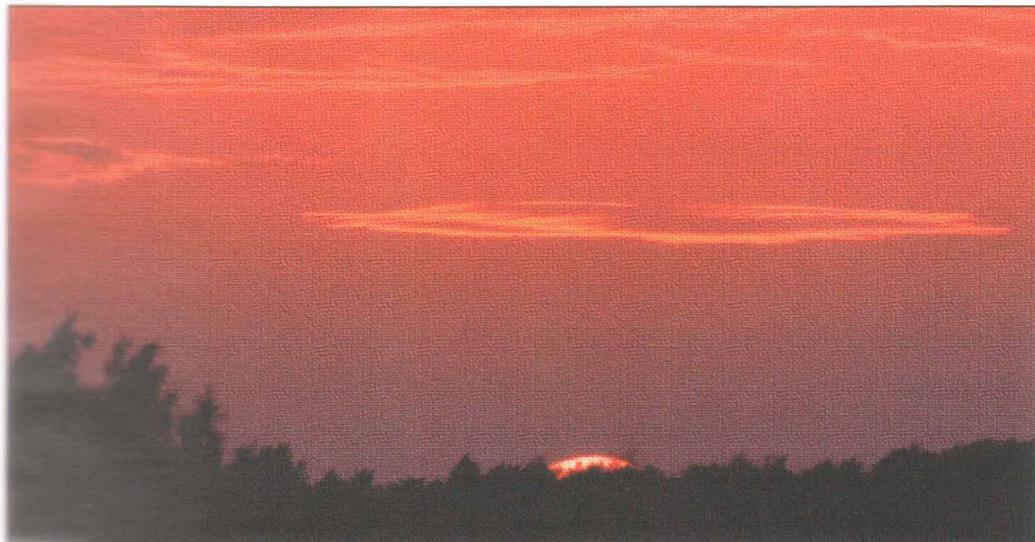
— О чем грустишь, скажи мне, старый друг,
И дети нас, и внуки уважают...
— Ты понимаешь, просыпаюсь вдруг,
А руки рычаги опять сжимают.

УТРО

Пришел рассвет невиданной красоты,
Ворвался в мир и изменил все разом.
Блеснуло солнце в капельках росы,
И тысячи зеркал упали наземь.

В лесных вершинах ветер зашумел,
И полога туманов укатились.
Призывно птичий голос зазвенел,
И травы над рекой разговорились.

У заводи, в местечке потайном,
Сидит рыбак, забыв о давней страсти.
Рассветом опоенный, как вином,
Дитя природы, он над ней не властен.

Играет рыба, плещет и бурлит,
Свечой взмывает солнышку навстречу...
Костер забытый скоро догорит.
Все преходяще. Миг рассвета вечен.

ГУРМАНЫ

Рыболову немного надо:
Добрый клев да уха с дымком.
Нет на свете милей отрады,
Коль родился ты рыбаком.

Преет чай в закопченной кружке —
Жизнь рыбацкая так проста!
На рогулинах подовушка
Брызжет соками в жар костра.

Пусть завидуют нам гурманы,
Искушают свой тонкий вкус.
Вмиг забыли бы рестораны,
Нашей щуки отведав кус!

А какие бывают ночи...
Небо звездное — все твое!
Испытайте, прошу вас очень,
Запоет душа соловьем!

А какие горят рассветы,
Как сверкает речная гладь!
Чтоб рождались одни поэты,
Надо всем рыбаками стать!

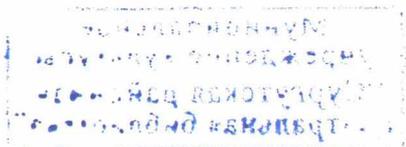
НА ПЛАВУ

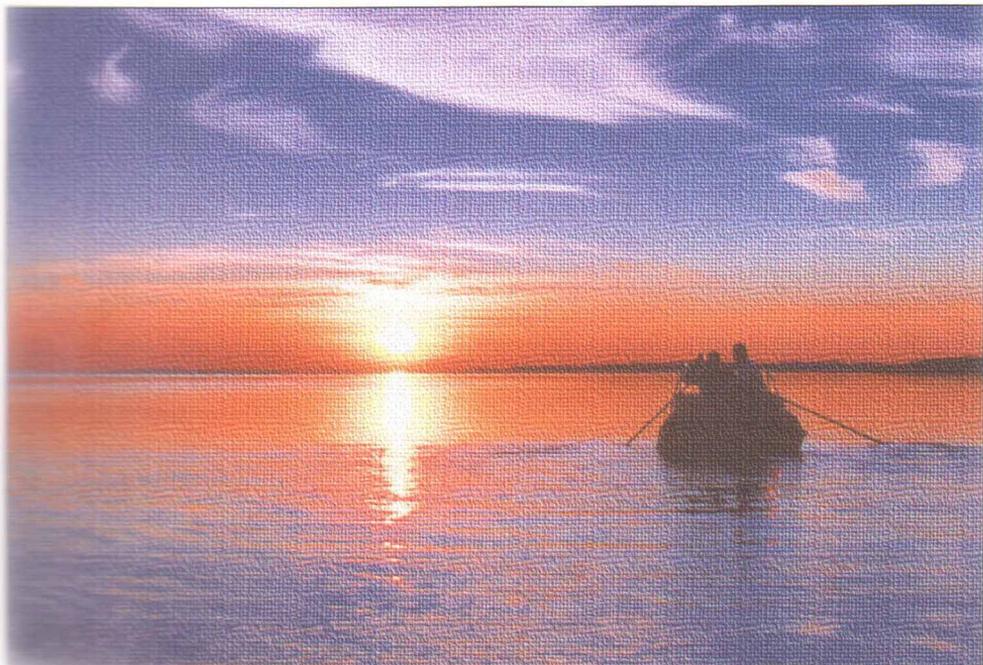
*Братьям моим и всему
рыбацкому племени посвящается*

Чуть брезжит свет, мерцают бакена.
Поет мотор уверенно и звонко.
Глядим вперед, стряхнув остатки сна,
Вот-вот она покажется — Пеньковка.

Песок пеньковский рыбой знаменит,
Недаром над ведром колдует повар.
Большой костер приветливо манит,
И далеко слышать веселый говор.

Уткнувшись в берег длинной чередой,
Ждут часа своего рыбацьи лодки.

Проснулись чайки, реют над водой
И вниз несутся, точно по наводке.

Рыбоохрана за порядком бдит.
Уже и трап на берег переброшен.
На катере суровый страж стоит,
Испытанный в штормах — Шулинин Гоша.

Отметились, дождались, и ладья,
Здравши нос, на первый плав рванулась,
И маленькая радость бытия
Души рыбацкой трепетно коснулась.

Бежит из рук капроновая вязь,
Гребец проворный веслами сверкает.
И рыбаки, тайком благословясь,
С надеждой сеть в глубины опускают.

Стучат груза легонечко по дну,
И снасть идет согласно всем уставам.
И вот уж по речному полотну
Другая лодка поплыла от стана.

Промчался катер, волны разводя,
И мы гребем, чтоб сети не скрутило.
Вздыхаем дружно, карчу обходя,
Она для нас страшной нечистой силы.

В осеннем небе стынет тишина,
Лишь редко-редко крик гусей ворвется.
Уж вежа на конце песка видна,
А шнур в руке ничуть не кольхнется.

Ура! Толчками фал заговорил!
Ну, братцы, нам, наверно, подфартило!
Хотя б один, — гребец мой попросил, —
Или пяток ей-богу бы хватило!

Миг торжества никак не наступал,
Все дальше сеть в корму я выбираю.
Блеснуло серебром — муксун попал!
Еще один — и пот я вытираю.

Окончен плав, довольны рыбаки,
Расслабились, по маленькой поддали.
А у костра толкуют старики —
Мол, раньше сотню за ночь добывали.

Иван Захаров, мудрый краевед,
Чему-то улыбается лукаво
И добавляет тем словам вослед:
«Какую сотню? Двести штук бывало!»

ЗАВЕТНЫЙ УГОЛОК

Здесь мы учились ездить в обласках,
Гоняли уток в камышах озерных
И на богатых тундринских песках
Ловили окуней и щук проворных.

Ложились плавно травы на лугах
Под взмах литовки, звонкой и певучей,
И все спешили завершить стога,
Когда ходили в грозном небе тучи.

Ударит в сердце яростный сполох.
Растопит солнце серые туманы.
И вот он — мой священный уголок,
Где церковь белая и рядом с нею мама!

Здесь Тундрино — родимая земля.
Высокий Мыс... Знакомо все и мило.
Не помню ночи и не помню дня,
Чтоб в этот край меня не поманило.

Домишки потемневшие глядят
На улицы, где раньше жизнь кипела.
Они, наверно, помнят тех ребят,
Чья молодость гуляла здесь и пела.

Горит костер и шепчутся кусты,
От трудных дум хотят меня избавить.
Уходят в дымку к прошлому мосты,
Где в синих берегах уснула память.

ФРОНТОВИКАМ

Обожгла, опалила
Ваши души война,
А на братских могилах
Вновь бушует весна.

Скоро будут березы
Зеленым-зелены.
Стынут алые розы
Посреди тишины.

Все на миг замирает,
Лишь сердца не молчат,
И горит-догорает
В изголовье свеча.

Гладит солнечный ветер
Лица в жгучих слезах.
— Вы нам, други, ответьте,
Как вам там, в небесах?

За поля, за дубравы
Укатилась война,
И досталась вам слава,
Только слава одна.

Может, мы виноваты,
Что вернулись домой,
Что судьба нас когда-то
Разделила чертой?

Облаков караваны
В майском небе плывут.
В орденах ветераны
Разговоры ведут.

ЭТИ ЖЕНСКИЕ РУКИ

*Великим труженицам
военных лет
посвящается*

Сколько вы испытали
В годы тяжкой войны!
И из нынешней дали
Те страданья видны.

Словно реки, морщины
На руках и у глаз...
Бились с немцем мужчины,
Все осталось на вас.

Лес вручную валили,
Надрывались в полях
И в обозы ходили,
Об одном лишь моля:

— Возвращайся, родимый,
Хоть какой, но живой!
Возвращайся, мой милый,
Ты с победой домой.

Помни Север наш дальний,
Где у быстрой Оби,
На заветной окраине
Поклялись мы в любви!

И любовью той верной
Согревались бойцы.
Шли на бой беспримерный
Сыновья и отцы...

Как же, мамы, сумели
Вы детишек спасти,
В той военной метели
От беды отвести!

Как везде успевали,
Разве можно понять!
Вы собой заслоняли
Нашу Родину-мать.

Разве можно наградой
Подвиг тот оценить?
Их бы в золоте надо,
Эти руки отлить.

Эти женские руки —
Боль и грусть сквозь года...
Пусть запомнят их внуки
И гордятся всегда!

ПАМЯТЬ

Кто видел бой не на экране,
Тому войну забыть нельзя, —
Так утверждают ветераны,
Мои старинные друзья.

Я их расспрашивал упорно,
Как вправду было на войне,
Не зная, как же это больно,
Те годы пережить вдвойне!

Вновь пережить, как рвались мины,
Как друг израненный кричал...
Весь этот путь — кровавый, длинный,
Что нас победой увенчал.

Тревожит память неустанно,
Ей не подашь команду «стоп»!
Опять — ковыль на поле бранном
И танк, ползущий на окоп.

Все меньше тех, что воевали,
И сердцем чувствую вину —
Мы им чего-то недодали,
Им, испытавшим ту войну!

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Обнимал меня милый —
В небе звезды всходили.
Целовал меня милый —
Птицы утро будили.

Пели ветры хмельные,
Жарко губы пылали,
Мы от счастья шальные
Обо всем забывали.

Только лютая стужа
Сердце вдруг опалила.
Молодого я мужа
На войну проводила.

Пароход спозаранку
Загудел у причала,
Заиграли «Славянку»
И душа закричала:

— Я люблю тебя, милый,
И от пули укрою.
Ты, любовью хранимый,
Возвратишься из боя.

Снова ветры хмельные
Запоют, обжигая.
Твои губы шальные
Скажут: «Здравствуй, родная!»

ПРИТЯЖЕНИЕ

Земля, продрогнув, корчится во сне,
В деревьях соки жизни леденеют,
Но дятел барабанит по сосне,
И косачи с вершин берез глазеют.

Тут куропатка вычертила след
У краешка чащобы тальниковой,
А там зайчишка встретил свой рассвет
И, сделав петлю, спрятался толково.

Короткий, словно воробьиный скок,
Декабрьский день свечою догорает.
И, как на караул, в известный срок
Выходит месяц, ночь оберегая.

Певучий снег высвистывает марш
И вдруг смолкает на щемящей ноте.
Кричу я лесу, полю — ваш я, ваш!
Так что же вы меня не узнаете?

Присев у русской старенькой печи,
Сработанной еще умельцем-дедом,
Держу в ладонях алые лучи,
Чью теплоту давным-давно изведал.

Мелькают в бликах пламени года
И лица тех, кого уж не увижу...
Забывтые деревни, города
Становятся отчетливей и ближе.

Здесь, в северной заснеженной глуши,
Где мне когда-то довелось родиться,
Еще мальчишкой твердо я решил,
Что в этот край нельзя не воротиться.

ПЕВЕЦ ЮГРЫ

Он шел всегда навстречу всем ветрам,
Не мог терпеть, когда толкают в спину.
Да. Он такой — и нынче, и вчера,
И даже если много лет откинуть.

В его стихах — любовь и боль души,
И трудный бой за то, что вечно свято.
И он, боец, на выручку спешит,
Чтобы Отчизна не была распята.

Какая мощь — «Шестая часть Земли»!
Скорбит строфа взволнованно и чисто
О гордости, истоптанной в пыли,
О кладбище с изгоем-гармонистом.

Его творенья — не игра ума,
Исполненная мастерской рукою.
Здесь большее. Здесь пишет жизнь сама,
Бывающая доброю и злою.

Не ангел он, бывает грубоват,
И выдержки порою не хватает,
Но для друзей — советчик он и брат,
Который защитит и не оставит.

Он многое
        успел уже сказать,
Певец Югры,
        с Сургутом обрученный.
Зовут «Колокола» —
        держать
                                держать!
Как прежде —
        смело,
                        умно,
                                окрыленно!

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ

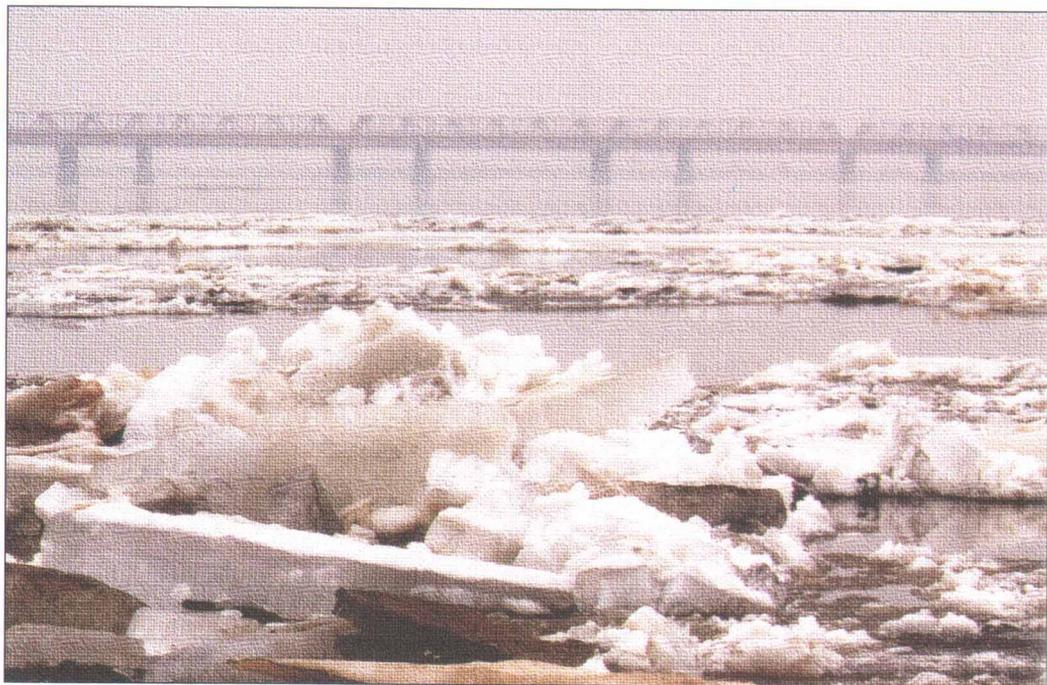
Повсюду только грязь да лужи,
За что любить тебя, весна:

Один в депрессию погружен,
Другой — с давлением занедужил,
А третий мается без сна.

Ворчат и злятся пессимисты,
С природой нет у них родства.
Попутал, видно, их нечистый,
Лишил таланта — мир лучистый
Понять в минуты торжества.

Пора стряхнуть оковы лени,
Проститься с зимнею тоской.
Уже в небесной карусели
Орут голодные халеи
И тянут утки над рекой.

Какой восторг и изумленье
Вас в плен захватят навсегда

При виде грозного сраженья
Оби в могучем напряженьи
С громадой яростного льда!

Я б вас увел к заветным чащам,
Подальше с шумных площадей,
И показал в выси парящих,
В потоках солнечных скользящих
Над милым домом лебедей.

Еще позвал бы поклониться
Березам — символам Руси,
Дал соку терпкого напиток,
Чтоб вновь с природой породниться
И ей сказать свое «Прости!»

ОБЬ ВЕЛИКАЯ...

В дорогу зовет голос робкий,
Туда, где играет заря,
Рискну в поэтической лодке
Уплыть в дорогие края.

Бескрайни речные просторы,
Безмерная в них глубина.
Здесь волны встают, словно горы,
Над ширью взмывая со дна.

Я знаю — шутить ты не любишь,
Суровая наша река.
Дерзнувших поспорить ты губишь
В науку другим смельчакам.

Бывало, тебя не понявший
Навек уходил в небеса,
Но снова, над гребнем поднявшись,
Мы гнали свои обласа.

Тянуло к тебе, как магнитом,
Пьянил терпкий запах речной.
И воздухом свежим омыта
Бежала душа за волной.

Уньла ты, Обь, и безлюдна, —
Поведали классики нам, —
Мол, серо здесь все, неуютно
И манит к другим берегам.

Я с ними ничуть не согласен,
Мне их никогда не понять:
Мой край так богат и прекрасен,
Что трудно с другими равнять!

Близки мне обские заливы,
Березы в поющей листве.
И стаи гусей говорливых,
Наверно, со мною в родстве.

Люблю тальниковые чащи
В могучем раздолье реки,
Крик чаек, вольготно парящих,
Проток прихотливых витки.

Зеленых лесов окаемы
Из дымки плывут голубой.
Все жизнью кипит неумной,
Подаренной Обью-рекой.

Мы плохо с тобой обходились,
Забыв про основу основ.
Какие стада здесь ходили
Из нельм, осетров, муксунов!

Когда невода стрежевые
Тянули к песку рыбаки,
Бурлили глубины живые,
Качались стеной плавники.

Для всех ты была колыбелью,
Кормилицей доброй слыла.
Раскинувшись мягкой постелью,
Плоты на себе ты несла.

Несла пароходов громады
И тысячи малых судов,
И все без ума были рады,
Когда ты вскрывалась от льдов.

Поила рассветы, закаты
И нянчила солнце в волнах...
Да, матушка-Обь, велика ты
И будешь великой в веках!

ОБНОВЛЕНИЕ

В сердце древней забытой Югры
Он дремал и молчал до поры,
Но разбуженный мощной рукой
Вдруг взревел нефтяною рекой.

И до самых краев потрясен
Вновь родился Сургутский район!

Пламя тех легендарных годов
Не погаснет в преданьях веков.
Чтобы жилы земли отворить,
Надо было себя не щадить,
Научиться и верить, и ждать,
И всему вопреки побеждать!

Круто жизнь изменил новый день —
Не узнаешь родных деревень!
К ним не тропы — дороги ведут,
В новых клубах задорно поют.
Новостройками полон район.
Это быль, это явь, а не сон!

Церковь белая, праздничный звон —
Это тоже Сургутский район.
Из покровов седой старины
Край шагнул в обновенье весны.
Сколько нужно еще совершить,
Чтоб достойною жизнью зажить!

ДРУГУ

Осень жизни тихо подкрадется
Темной ночью или ясным днем,
Журавлиным клином обернется,
Окропит серебряным дождем.

Подойдет непрошеной, незваной,
Бросит листья желтые в окно.

Что там ждет меня в дали туманной,
Много ль жить на свете суждено?

И душа смятенная возропщет —
Как же так? Ведь я еще не жил!
В суете бездумной и всеобщей
Даже лучший стих свой не сложил.

Много нам отпущено иль мало,
Каждый призван стих свой завершить,
Мрачных мыслей сбросить покрывало
И живыми нитями расшить.

Ты не верь, что с возрастом тускнеют
Краски жизни, пламенных страстей.
Только те стремительно стареют,
Кто забыт и кто не ждет вестей.

Потому, когда бывает больно,
Я спешу к тебе, мой старый друг.
Лишь с друзьями дышится привольно,
Утихают горести разлук.

Не беги, задумчивая осень,
Не роняй цветистый свой убор.
Я стихи писать еще не бросил,
Я еще не кончил разговор!

К ЧИТАТЕЛЮ

В моих стихах костер да ветер,
Река да старый отчий дом.

Я это сам давно заметил,
Но не умею о другом.

И день, и ночь кострами брежу,
Кедровым бором и рекой.
И не уйти мне к теме свежей,
Как не уйти к судьбе другой.

Прошу простить меня, читатель,
За узкий круг моих стихов.
Я — не поэт, а почитатель
Души забытых уголков.

БЕЛЫЙ ЯР

Белый Яр на обском берегу,
Кружат чайки в манящем просторе.
Ты мне дорог и в дождь, и в пургу,
Ты мне дорог и в счастье, и в горе.

Дышит имя твое чистотой,
Есть в нем что-то до боли родное.
Будут годы лететь чередой —
Ты останешься юным со мною.

Здесь когда-то ступала нога
Молодого наследника трона.
Только пристань была да тайга
Посреди комариного звона.

Здесь в полнеба пылает заря,
Удивительно белые ночи,

И, наверно, назвали не зря
Белым Яром поселок рабочий!

Здесь традиции верно хранят
И сердца нараспашку открыты:
Помнят подвиги павших солдат,
И герои труда не забыты.

Здесь так славно и звонко поют,
Льется песня над Обью широкой,
И тогда замолкает Сургут,
Очарованный ей издалика.

Здесь работают песне под стать,
С упоением и жарким задором.
Здесь не любят в труде отставать
И не терпят пустых разговоров.

Здесь хорошие люди везде,
Все судьбой и поселком гордятся,
Никого не оставят в беде,
Вот такие они — белоярцы!

MAME

Укрывают тебя полога из туманов,
Одеяла снегов, синий бархат небес.
Ты на свете жила до обидного мало.
Все нам снишься живой, только нету чудес.

Как ты нас берегла, а себя не жалела,
Вспоминаем сейчас у родного крыльца,

Как скрывала от всех, что опасно болела,
И работать ходила почти до конца.

Молча кедры хранят дорогую могилу,
Да старинная церковь, что рядом стоит,
Да Курья под горой, где нас плавать учила...
Помнит все о тебе и забыть не велит.

ПОЙ, ГАРМОНЫ!

Жил Иван, себя не жалея,
Все отдал для родной страны,
А теперь наскребает еле
На рубашку да на штаны.

Жил ни шатко Иван, ни валко,
Лихо трактор в полях водил.
Хоть и было порой несладко,
Но с концами концы сводил.

А потом, как Мамай промчался,
Развалился родной совхоз.
И без дела Иван остался,
Словно брошенный старый пес.

Сколько раз его обманули!
Что скопил — обратили в прах.
Показали Ивану дулю
И оставили в сердце страх.

До земли покосилась крыша,
Видно, рухнет изба вот-вот,

И увидит ударник бывший
В ясных звездах небесный свод.

Нынче он под родным окошком
Любит старые кости греть.
И скулит под рукой гармошка,
Не дает душе помереть.

Хорошо идет перестройка:
На обмане дворцы растут,
Процветает мошенник бойкий,
А Иваны гармони рвут!

И опять заседает Дума —
Что с Ивана еще содрать?
Может, скоро с печного дыма
Умудрятся налоги брать!

ЗИМА

Пришла зима. Морозной легкой дымкой
Окутала и небо, и поля,
Засыпала уснувшие тропинки,
И дивно белой стала вся земля.

Без передышки крепко припутнула:
Морозами под сорок обожгла,
Деревья в три погибели согнула,
Под крыши все живое загнала.

Для северян метели — не помеха,
Морозами их тоже не проймешь,

Хотя порою вовсе не до смеха,
Начнешь гадать — дойдешь иль не дойдешь.

Но и зимой бывают дни иные,
Когда мы все готовы ей простить:
Вдруг потеплеет, и в края лесные
Потянет вас на лыжах побродить.

Стоят леса в пушистых белых лапах,
И хочется погладить нежный пух!
Мелькнула белка в веточках мохнатых
И, слившись с елью, обратилась в слух.

Бежит лыжня, и дышится глубоко,
Весною пахнет воздух неземной.
Но до весны так долго, так далеко...
Взгляни вокруг — как хорошо зимой!

ОДА ЖЕЛЕЗНОМУ ДРУГУ

К иномаркам нынче все привыкли,
Хвалятся, чья лучше, — та иль эта.
Эх, забыли вы о мотоцикле
Под названьем чудным «Иж-Планета».

Так и слышу: «Ты уже не молод
И вступаешь в переходный цикл.
Несолидно деду в дождь и холод
Водружать себя на мотоцикл».

За деревню молча я уеду,
Газану, чтоб небу стало жарко!

Вольной птицей пролечу по следу,
Где на брюхо сядет иномарка.

Солнцем и цветами пахнут травы,
Зверь-мотор поет, не умолкает.
«Мужики, ну как же вы не правы:
Лучше мотоцикла не бывает!»

Не беда, что дождиком промочит,
Обожжет прохладой осенней.
Скорость, братцы, вижу я воочию,
Возвращаясь в юность на мгновение.

Мы немало тысяч километров
За спиной оставили, дружище.
Спорим, кто быстрее, с упрямым ветром,
Но никак ответа не отыщем.

ТЫ ИГРАЙ, МОЙ БАЯН

Вот и осень прошла, тихо грусть наплывает.
Плачет вьюга в ночи и по окнам стучит.
А баян мой поет, о былом вспоминает,
Ты играй, мой баян, ты играй, не молчи!

Были дерзкими мы и в работе крутыми,
Шли в студеный рассвет по болотам и льдам.
Были молоды мы и остались такими:
Видно, наша душа неподвластна годам.

Где-то в южных краях, в благодатном покое
Мы бы жить не смогли без сибирской тайги.

Мы с тобою, товарищ, избрали другое,
Ты об этом, баян, рассказать помоги.

Песня жарким костром память лет озарила,
Здесь обрел я друзей и для них я пою.
Если б новую жизнь нам судьба подарила,
Мы бы трудную жизнь повторили свою!

РАЗДУМЬЕ

Дней ушедших тихое безмолвье
Не взорвется огненным лучом.
Не присядет муза в изголовье,
Я не с нею нынче обручен.

Был одним из многих — подголоском,
Но судьбе за это не пенял.
И рекою плыл, и по закоскам,
Но себе ни в чем не изменял.

Верен был всегда родному краю
И друзьям, что жили, что живут.
Пусть, как снег, стихи мои растают,
Ручейки не сразу пропадут.

Об одном прошу, о самом главном:
Земляки, храните дар небес —
Нашу Обь, что катит воды плавно,
Синь озер, живой, поющий лес!

А всего важней — храните душу
В чистоте, без зависти и зла,

Чтоб она других умела слушать,
И к другим на помощь бы звала!

КОГДА ПРИХОДИТ МАРТ

Март — не просто начало весны,
Он мужскую орбиту меняет,
И сбываются дивные сны —
В марте Женщина всем управляет.

Мир становится сразу иным,
Бесконечно уютным и чистым,
Вместо серого — ярким, цветным,
Из холодного — теплым, лучистым.

И мужчин ни за что не узнать:
Носят тайну с задумчивым видом,
Все для женщин готовы отдать,
Чтоб простили былые обиды.

В день весенний букеты дарят
Самым добрым и самым любимым.
И с сердцами сердца говорят
О заветном, о вечном и милом.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЩЕ ЛЕТАЕТ ВО СНЕ...

НАШ ГОРОД

Что бы там ни говорили, но Сургут
Всюду городом нефтяников зовут.
И не стоит обижаться никому,
Надо просто разобраться, что к чему.

Трубы ГРЭС взметнулись в небо высоко,
Энергетики шагнули далеко.
И, пожалуй, справедливо, что Сургут
Крупным центром энергетики зовут.

Голубой поток невидимой реки
Гонят в трубах день и ночь газовики.
Газ волшебный согревает нас в мороз.
Чей же город наш? Ответьте на вопрос.

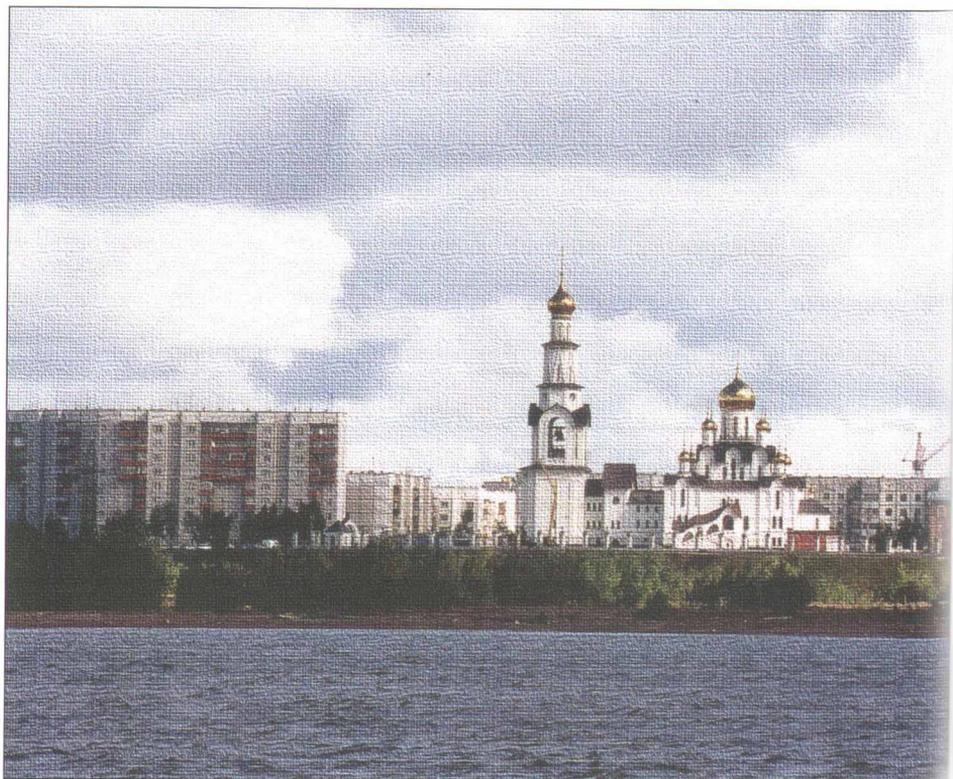
Без строителей не выжить нам никак.
Мы без них ютились вечно бы в балках.
Посмотрите, как красив родной Сургут —
В нем хорошие строители живут.

Много в городе врачей, учителей,
Много всяких замечательных людей,
Без которых не поесть и не попить,
Даже другу невозможно позвонить.

А не вышли бы газеты, что тогда?
Приключилась бы немалая беда.
Без «Синицы» тоже плохо бы пришлось,
Грустно детям без «Синицы» бы жилось!

Так в каком же все мы городе живем?
Чьим же мы его по праву назовем?
Этот город — наш любимый общий дом,
В этом доме все горды своим трудом!

Ну а все-таки, а все-таки, друзья,
Забывать о том, наверное, нельзя:
«Черным золотом» пока живет страна,
Ей как воздух нефть сургутская нужна!

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

На грядке, солнцем разморенной,
По-детски трогательно мил,
Земными соками вспоенный
Он лик зеленый свой явил.

Гляжу на дивный плод в волненьи,
Ведь это я его творец!
И поздравляю с днем рожденья
Свой первый нежный огурец.

Внук-мальшок бежит вприпрыжку —
Он тоже грядку поливал,
Погладил чудо в пупырышках,
Огурчик был — и вмиг пропал!

РАДУГА

На леса и на луга
Опустилась радуга.
Опрокинула свой мост,
Как цветной павлиний хвост.

— Подойти бы к ней поближе
Да взобраться бы повыше,
Выше леса, выше крыш, —
Думу думает малыш.

И бежит он очарован,
Чудом радужным взволнован.

Через лужи, наконец,
В поле выбежал малец.

Отдохнуть остановился,
Глянул вверх и удивился —
Нету радуги, пропала,
До чего обидно стало!

Запечалились глаза,
Покатилась слеза.
Тут и мама подбежала,
Мальша поцеловала.

Утешает сына мама,
Только он твердит упрямо:
— Все равно вперед пойду,
В небе радугу найду!

В ЛЕСУ

Лирохвостый, краснобровый,
Черный, словно грач.
На верхушке, на еловой
Топчется косач.

Любопытный, как ребенок,
Крутит головой,
А под елочкой зайчонок
Жметесь сам не свой.

Рядом, с дерева большого,
Снежный ком упал —

Только видели косога,
И косач пропал!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

За окнами — снежинки,
А за столом — веселье.
У девочки Полинки
Сегодня день рожденья.

В нарядном платье Поля,
Как бабочка, порхает.
На Полю мальчик Коля
Глядит и не моргает.

Она стихи читает
И рисовать умеет,
И слабым помогает,
Животных всех жалеет.

Дороже всех подарков
Ей рыженький котенок.
Один он бегал в парке
И плакал, как ребенок.

За ним гналась ворона —
Схватить его хотела.
Но первоклассник Рома
Закрыв котенка телом.

Пришло друзей немало,
О Поле все толкуют.

Спасибо папе с мамой
За девочку такую!

ВНУКУ

Я так хочу, чтоб ты летал во сне,
Любил кружить над лентами дорог
И, замирая в зыбкой вышине,
Свой страх и притяженье превозмог!

Чтоб с каждым взмахом легких крыльев-рук
Взмывал ты к звездам или плыл к Земле.
В таком полете я, мой юный друг,
Когда-то в детстве от восторга млею.

Всегда не к месту обрывался сон...
Едва очнувшись, крылья я искал.
Мгновеньем раньше был я невесом,
Теперь, бескрылый, горько тосковал.

Мне жалко тех, кто не летал во сне!

НОВОГОДНИЙ ЦИРК

Мы сегодня в цирк пришли
На веселый праздник.
Много фокусов смешных
Мы увидим разных.

Здесь танцуют и поют
Зайцы и медведи.
И подарки здесь дают
Лучшие на свете.

Скачут кони, рыжий кот
Кружится под елкой.
В наш веселый хоровод
Встали даже волки.

Как под куполом светло,
Как наш цирк украшен!
От улыбок всем тепло,
И мороз не страшен.

Смех и радость нам несет
Новый год желанный.
До чего же нам везет
В этот праздник славный!

«ГЛЯЖУ В ОЗЕРА СИНИЕ...»

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В этом очерке, уважаемые читатели, я хочу в отрывочных воспоминаниях рассказать вам о, возможно, малоизвестных страницах жизни сургутского писателя-краеведа Ивана Прокопьевича Захарова, с которым нас связывала долгая, богатая событиями дружба.

Было начало 70-х годов прошлого века. Я, молодой заведующий районным отделом народного образования, вместе со всем аппаратом районо готовился к августовской учительской конференции. Трудное это было дело.

На традиционные августовские совещания приглашались все учителя районо, а не делегации от школ, как сейчас. Часто присутствовали представители обкома и окружкома партии, а также руководящие работники из облоно и окроно. Конференции являлись своеобразным экзаменом на зрелость и для директоров школ, и для аппарата районо во главе с заведующим. Ведь подводились итоги работы за прошедший учебный год и ставились задачи на будущий.

В те годы партия настолько плотно опекала образование и идеологическое воспитание молодежи, что с основным докладом на конференции нередко выступал секретарь горкома по идеологическим вопросам. Заведующему районо предлагалось рассказать о более конкретных проблемах школьной жизни. Выходили к трибуне и комсомольские секретари. Вопросам воспитания молодежи придавалось тогда первостепенное значение, хотя живая работа подчас подменялась демагогией. Тем не менее никто не бросал молодых в житейском море

на произвол судьбы. Им помогали, а они брались за самые трудные дела и блестяще с ними справлялись. Достаточно вспомнить ударные комсомольские стройки, студенческие строительные отряды!

Возвращаясь к теме своего повествования, добавлю, что основной доклад на конференцию готовился заведующим районо и инспекторами. Секретарь только вносил свои замечания, иногда существенные. В данном случае мне повезло: с докладом выступала Калентьева Евгения Ивановна, авторитетный, знающий человек с педагогическим образованием.

Время поджимало, доклад еще не был исправлен после партийной цензуры, и я упорно пытался довести его до ума.

И тут в кабинет вошли Ездаков Николай Иванович, которого я уже знал, и стройный темноволосый человек чуть за сорок с внимательным и пытливым взглядом. Это и был Иван Прокопьевич. Его статьи я читал в районной газете еще в 50-е годы, но лично не был с ним знаком.

Только мы разговорились и успели закурить, как в кабинет вошла Евгения Ивановна, видимо, уставшая ждать доклад. Иван Прокопьевич быстро сориентировался и выдал экспромт о случае в Тундринском сельсовете, где долгие годы работал всеми уважаемый председатель Кайдалов Степан Ефимович. Думаю, импровизация грешила преувеличениями, но она мне помогла. По словам И.П. Захарова, Степан Ефимович как-то на неразборчивом документе, полученном из райисполкома, начертал: «Ваши директивы непонятны нашему коллективу», и выслал обратно. Калентьева рассмеялась, но снова обратила на меня пристальный взор. И тогда в разговор вступил Николай Иванович Ездаков: «Ваши директивы, Евгения Ивановна, непонятны районскому коллективу».

Шутка была понята правильно, и вскоре все недоделки в докладе были устранены с помощью самой Евгении Ивановны.

Очень мне пришлось по душе оба жизнелюбивых газетчика, тогда и завязалось наше товарищество. С первого дня покорила меня их дар ценить и понимать юмор, забавное мальчишеское ерничанье, подшучивание друг над другом даже в самых сложных ситуациях.

К сожалению, с Н.И. Ездаковым рано развела нас судьба. Как-то все не ладилась его личная жизнь, методично добивали всякие напасти. Его здоровья, подорванного войной и житейскими неурядицами, хватило всего на 61 год. Он был интересным человеком, одаренным журналистом с офицерским боевым

прошлым. Небрежно одетый, в больших серых валенках. В желтых прокуренных зубах зажата папироса, седые волосы прядями падают на лоб, но не могут закрыть доброго прищура выцветших голубых глаз. Таким он предстает сейчас передо мной.

КОСТРЫ РЫБАЦКИЕ ГОРЕЛИ...

Как-то так складывается: уходит из жизни известный человек, и его образ приглаживают до неузнаваемости, не допуская, чтобы высунулся хоть один вихор, могущий подпортить идеальное восприятие. И, на мой взгляд, права Г.В. Кондрякова в своей газетной статье «Последний поклон», написанной к 75-летию И.П. Захарова, утверждающая, что он при всем писательском таланте в остальном ничем не отличался от своих соратников-газетчиков, да и в целом сургутских земляков.

Были у него те же увлечения и слабости, что присущи большинству смертных.

Многие годы владела им одна глубокая страсть — рыбалка. С ней связаны наши общие путешествия по Оби и ее притокам.

Можно сказать и точнее: увлечением были путешествия, а попутно с ними шла рыбалка с ухой, костром и нескончаемыми разговорами.

Часто выезжали мы на двух лодках, оснащенных моторами «Вихрь», в обычном составе: Иванов Александр Андреевич, директор типографии, избранный нами «бригадиром», Иван Прокопьевич и я, мои братья Виктор и Володя и самый закадычный старинный друг Ивана Прокопьевича, бывший бухгалтер типографии, фронтовик Борис Андреевич Проводников. Иногда к нашей компании присоединялись мои тундринские земляки, ставшие сургутянами — Александр Иванович Торопчинов и Валентин Георгиевич Осколков, умелые, надежные ребята. Почти каждый отпуск проводили мы в странствиях по району.

В лодке Бориса Андреевича таилась одна достопримечательность — двойное дно. Здесь он хранил целый склад старых железяк — запчастей к «Вихрю», отчего его перегруженный «Прогресс» всегда отставал. Но главное, что при поломках мотора (а они случались регулярно) самой нужной части в тайнике никогда не оказывалось. Зато в экстремальные моменты Борис Андреевич успевал спрятать туда одного-двух муксунов, за что мы всегда были ему

благодарны.

Трудно даже перечислить, где побывали мы в те годы. Ездили по Оби выше Локосово, в Лобановский Еган и Кондрашкину курью, вниз по течению — до сыгоминских угодий. Бывали на Тром-Агане и Югане, в Лагарме и на Юганской Оби, изучили прибрежные озера Сухого Агана и Казенной протоки.

Открыли для себя десятки новых речек и озер, узнали лучшие места на заливных поймах — сорах. Ставили сети, добывали карасей, щук, язей и другую черную рыбу. Осенней порой любили плавать по Пеньковской протоке, чаще по лицензии, иногда — без нее. Ели у костра икру с малосолом из муксуна, запивая чем придется, слушая при этом затейливые байки с необычным концом. Собиралось у костров до 20 рыбаков. Очередь на плав приходилось ждать по-долгу. И это время было самым дорогим в жизни Ивана Прокопьевича. У него блестяли глаза при каждом неожиданном повороте сюжета или метком выражении умелого рассказчика. В таких беседах он и проводил большую часть времени. Казалось, что его знает весь Сургут. У любого костра он находил знакомых, да еще вспоминал их генеалогическое древо.

Мы рыбачили, а Иван Прокопьевич варил уху, кипятил чай (часто все выкипало) и выходил нас встречать после каждого плава. Громко удивлялся искусству красноречия своих собеседников, изумленно качая головой. Наряду с небывальщиной черпал он из этих бесед и много новых достоверных сведений из жизни сургутян для своих будущих книг. Нравился ему вольный рыбацкий дух, независимый кочевой уклад, все наше веселое артельное братство, ни с чем не сравнимое единение с рекой, прибрежным тальником и пролетающими утинными стаями!

Здесь он по-настоящему загорался и становился моложе. Бывали, правда, и переборы по причине слишком щедрого угощения у костра, но свежий воздух и уха быстро возвращали всех в рабочее настроение.

В архиве Ивана Прокопьевича, наверное, и сейчас хранится мое четверостишие:

Костры рыбацкие горели
В ночи весенне-заревой,
И мы, задумчивые, пели:
— Нет, черный ворон, я не твой!

Приезжали мы из таких поездок почти всегда с добрым уловом, но никогда не жадничали и с удовольствием раздавали рыбу друзьям.

Вспоминается мне такой случай. Как-то наша бригада возвращалась из Кондрашкиной курьи, что напротив Верхне-Мысовой. Хорошее, богатое доброй рыбой угодье. Проехали Локосово, и началась, как говорят сибиряки, падера — такая сильная буря, что наши лодки нет-нет, да и стало накрывать «девятым валом». Справедливости ради надо сказать, что Иван Прокопьевич при всей привычке к реке боялся разгула речной стихии. Каждая большая волна заставляла его отчаянно цепляться за борта лодки, и он просил ехать потише и ближе к берегу. Думаю, его память хранила куда больший печальный реестр погибших на воде, чем наша. Ведь еще в детстве вместе со взрослыми добывал он рыбу в бескрайней Обской губе и в полной мере испытал гнев и ярость могучей реки, знал о многих ее жертвах.

Но даже в самые критические минуты он не терял присутствия духа и способности смеяться над своими страхами.

Так и на этот раз. Дождь, ветер, лодку заливает, а он кричит мне в самое ухо: «Петрович, перевернет, как поплывем — по течению или против? Или прямо на Локосово?» Я расхохотался, а он, побледневший, хватая меня за рукав при очередной волне, вдруг шкодливо подмигнул. Вот так Прокопич!

Мы перевалили через Обь и вошли в протоку, где решили переждать бурю у берега острова Тормут. Стоял сентябрь. Рано темнело, и надо было найти место для ночлега. Совсем недалеко увидели большой дом, где, как позже узнали, жили несколько рабочих Локосовского рыбоучастка. Оказывается, здесь располагалась база сбора икры муксунов и сырков для дальнейшего их разведения в инкубационных цехах Сургута и Тобольска. Живую рыбу привозили с известного Аганского песка, где стоял стрежевой невод, и выпускали в озеро. И лишь по достижении полной зрелости икру забирали для отправки.

Познакомились с доброжелательными хозяевами избы, наелись ухи, и пошли рассказы и расспросы о локосовском житье-бытье. Легли поздно. Утром, чуть свет, я вышел набрать дровишек, чтобы вскипятить чай. Стояла тишина, улеглась непогода. Над всей округой висел густой белый туман. Туман и тишина! И тут, совсем рядом, раскатилось задорное конское ржание. Послышалась тяжелая поступь, и выплыла из туманного марева лошадиная морда. Чей-

то знакомый голос ласково выговаривал: «Ешь, милая, ешь. Надо, еще принесу». Теперь уже ясно разглядел, как бредет Прокопъич, держась за гриву белой лошади, а сзади топчется жеребенок и еще одна лошадь. Иван Прокопъич подает кобыле хлебные ломти, гладит ее голову, мягкие ноздри и губы. Увидел меня, как бы очнулся, взглянул по-детски растроганно и попросил: «Принеси, пожалуйста, еще хлеба». Я вошел в избу, где народ стал уже просыпаться, пошарил в рюкзаке с продуктами, но хлеба не нашел, хотя помнил, что с вечера оставалось 2-3 буханки. Так и обошлись мы в тот раз пустым чаем (сахар тоже почему-то исчез). «Бригадир» Александр Андреевич Иванов поблагодарил Ивана Прокопьевича за «сытный» завтрак, и мы поехали дальше, в сургутскую сторону.

Всякие были с нами приключения.

Однажды в середине июля приехали мы в Сухой Аган, где много богатых карасевых озер. Поставили сети, дождались добычи, поужинали и улеглись кто куда. Мы с Иваном Прокопьевичем, чтобы спастись от комаров и на случай дождя, влезли на полок крошечной старой рыбацкой бани. Все остальные предпочли ночевать на свежем воздухе и улеглись на лавки вокруг стола. Добытых карасей сложили в ямку у берега и укрыли сырой травой. Продукты выложили на стол под брезент. Поутру увидели, что пойманная рыба исчезла, а остатки ее разбросаны по сторонам. Все съестные припасы со стола пропали: и хлеб, и сахар, и тушенка. Объяснение нашлось скоро — кругом виднелись четкие медвежьи следы, крупные и помельче. Крепко мы задумались. Было у Бориса Андреевича для экстренных ситуаций одноствольное ружье 16-го калибра и несколько патронов с мелкой дробью (хранилось оно, конечно, в «тайнике» и порядком заржавело).

Дробь высыпали, сняли с сетей свинцовые грузила, зарядили их вместо пуль и пошли к озерам проверять сети — кто с жердью, кто с ведром, кто с топором. Не прошли и сотни метров, как увидели медвежонка, а за ним второго, примерно годовалого возраста. Он и направился к нам. Володя выстрелил, целясь выше него, старый порох только пшикнул, и грузило упало метрах в трех от нас. Стали кричать и гремять ведром. Испугавшись нашего воинственного вида, медвежата стремглав понеслись в ближний сосняк. Где была в это время медведица, сказать трудно. Но позднее уже другие рыбаки видели ее с питомцами в тех же местах, а потом их кто-то убил. Ивана Прокопьевича, да и всех

нас, это сообщение очень расстроило. Медвежата были так безобидны и забавны!

Особое чувство связывало Ивана Прокопьевича с тундринскими местами. Здесь он бывал в молодости, знал многих старожилов: М.Г. Боровикова, И.Е. Медведева, А.М. Бакшеева, К.А. Шевелева и других. Знал и своих родителей, часто рассказывал о встречах с ними. Он любил доставлять радость другим такими рассказами.

Не раз шишковали мы с Иваном Прокопьевичем в тундринском бору, тянули невод в богатой рыбой курье, запасались грибами. Очень радовался он возрожденной Тундринской церкви и новому клубу в соседнем Высоком Мысу. Высоко отзывался о главе администрации сельсовета Е.Х. Бжецовой, удивлялся ее неумной энергии и умению работать с людьми.

И всегда он старался вызвать человека на дружеский разговор, вывести что-то новое об истории поселка, сохранении и преемственности добрых старых традиций. Когда требовалась помощь, обещал выяснить и помочь. И помогал. Он тянулся к людям, они всегда были ему интересны, а люди, чувствуя этот неподдельный интерес, шли ему навстречу.

«ГАЗЕТЕ — ДЕНЬ, ГАЗЕТЕ — НОЧЬ»

Об Иване Прокопьевиче-газетчике уже писали и еще много напишут коллеги-журналисты, долгие годы бок о бок с ним добывавшие нелегкий газетный хлеб.

Я могу только подтвердить, что он газетой жил и постоянно думал о ней даже в дни наших странствий по Оби.

Газетная тема непременно присутствовала во всех наших «бригадных» дискуссиях: И.П. Захаров и А.А. Иванов занимались ей непосредственно, мой брат Володя, водитель редакции, конечно, был в курсе бурной жизни коллектива и читал газету от корки до корки. Живо интересовался газетой Б.А. Проводников, бывший редакционный бухгалтер.

А мне, заведующему отделом горкома партии, по долгу службы, да и как старожилу района, просто нельзя было ее не читать. Всего одна газета (не считая многотиражек) выходила тогда в Сургуте, и, естественно, каждая статья была на слуху сургутян. Многие из них по стилю изложения и тематике могли с первых строк безошибочно назвать автора. Огромным был тогда тираж га-

зеты. Сажеными шагами развивался и гремел на весь Союз нефтяной Сургут. И вместе с первопроходцами шли сургутские журналисты. Они были полными бойцами в общем наступлении. Вот уж где действительно воплотились в реальную жизнь слова поэта: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Не было, наверное, тогда сургутян, которые в те далекие 80-е годы не читали статьи В. Семенова, В. Тена, Н. Козлова, Э. Сенькиной, А. Ярошко (Походенко), Г. Кондряковой, А. Степановой, Л. Петровой (Цареградской), Л. Боковой, Н. Заболотневой, М. Крепышевой. За каждой фамилией — личность незаурядная, умеющая отстаивать свои принципы, способная ценой измотанных нервов, бессонных ночей выдать материал в положенный срок.

Я часто бывал в старой редакции и в типографии по ул. Просвещения, знал многих корреспондентов и полиграфистов. Меня тянуло сюда к друзьям, ко всем интересным людям, создающим и выпускающим газету. Привлекала загадочная метаморфоза реального претворения мысли в печатное слово прямо на глазах.

До сих пор не перестаю восхищаться мужеством и редким терпением воистину «тружеников пера» и печатников, которые в холоде, на допотопных машинах делали газету. Делали, не рассчитывая на награды, не щадя здоровья, получая символическую зарплату.

Город стремительно выходил из балков и вагончиков в новые благоустроенные дома, а его единственный печатный орган ютился в доживающих век деревяшках. Хлебнули тогда горя и редактор В.В. Киселев, и его заместитель И.П. Захаров, и директор типографии А.А. Иванов со своим технологом К.В. Шпаковой (Ивановой), прекрасным человеком и специалистом. Но газета выходила всегда (хотя и были опоздания), ее любили горожане и жители района. И сейчас, получив свежий номер «Сургутской трибуны», я раскрываю его с невольным трепетом, радуюсь удачным материалам толковых молодых авторов. И с удовольствием убеждаюсь, что их не меньше, чем в прежние времена, что они достойно продолжают традиции старых журналистов и вносят много нового, свежего. Только страна стала другая... И темы другие.

Вспоминая прошлое, Иван Прокопьевич с великой похвалой отзывался о бывших ранее редакторах Н.И. Голипаде, ставшем потом секретарем райкома партии, П.И. Лежнев, помимо основной работы руководившем духовым оркестром районного Дома культуры, В.С. Корчемкине.

Ценил деловитость и напористость А.П. Зубарева. И всегда с большим

уважением говорил о В.В. Киселеве, его принципиальности и порядочности.

Мое личное знакомство с районной газетой состоялось в 9-10 лет в конце 40-х годов. Носила она название «Колхозник». Газета пугала меня скучными сводками о ходе социалистического соревнования между колхозами, леспрохозами, бригадами лесо- и сенозаготовителей, рыболовецкими звеньями и доряками. Эти материалы вместе с передовицами съедали почти всю газетную площадь. А призывы партии к праздничным датам занимали целую страницу. Правда, когда тундринский колхоз им. Сталина или высокомысовский «Новый мир» выходили в число победителей, я тут же бежал сообщить об этом родителям (а жили мы то в Тундрино, то на Мысу).

Но вот однажды, уже лет в 14, прочитал я в «Колхознике» сатирическое стихотворение. Оно так меня поразило, что многие строчки я запомнил наизусть. Ведь речь в нем шла о том, как председатель высокомысовского колхоза и начальник деревенской комендатуры явились в пьяном виде в клуб и сорвали показ кинокартины, требуя показать им другой фильм. Возмущенные зрители разошлись по домам. Меня покорила смелость автора стихотворения. Так писать об одном из хваленых председателей колхоза и всесильном начальнике комендатуры! Такого в газете еще не было!

Дальше я уже читал газету регулярно.

И вот через много лет всплыли у меня в голове строчки из этого стихотворения, и стал я пытаться Ивана Прокопьевича, кто автор. Вначале он долго не мог понять, о чем идет речь, потом потащил меня в редакцию, где мы отыскали пожелтевший номер «Колхозника» за 24 апреля 1955 года со стихотворением «Вот бывает что порой». Внизу стояли фамилии авторов: И. Захаров и А. Смирнов. Так газета возродилась и вернулась к читателю и автору — моему старшему товарищу — через 40 лет.

В день 55-летия Ивана Прокопьевича и его ухода на пенсию я посвятил ему стихи, часть которых позволю привести ниже:

Ты ждал так долго этот год,
Ты дни считал, как версты мерил.
Хотел ускорить жизни ход,
А как дождался — не поверил!

Газете — день, газете — ночь,
И все газете без остатка.
Поймет ли кто-то, что невмочь
Бороться с этой лихорадкой.

Ты с нею связан навсегда,
Как связан с братией газетной.
Ты, как невесте от венца,
Газете верен до конца.

Поймет ли кто-то, как мечтали
И как вы слов искали тех,
Чтоб все, волнуясь, понимали
Газетной строчки гнев и смех.

Ты в этом племени родился,
Иван Прокопич, старый друг,
В газетном горне закалился,
Тебе — пожатье наших рук.

В газете нет людей спокойных,
Они там даром не нужны.
Там ценят смелых и пробойных,
Там мысли свежие важны!

Это стихотворение по моей просьбе показала мне недавно дочь Ивана Прокопьевича Людмила. Оно аккуратно подшито в папку ее отцом. Я подарил его другу 20 лет назад, а потом забыл. Часто я писал тогда стихи в одном экземпляре (и, может, правильно делал?!).

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Некоторые спрашивают, почему так поздно начал И.П. Захаров писать свои книги? Действительно, примерно из пятнадцати его книг основная часть создана в последнее десятилетие жизни. Остальные годы ушли на

сбор материалов и их обработку. За этой фразой — встречи с сотнями людей, работа в архивах и библиотеках, большая переписка с адресатами из самых различных уголков страны.

Возьмем «Географический словарь Сургутского района». Это была неохватная работа — «в грамм добыча, в год — труды». «Словарь» явился итогом множества поездок Ивана Прокопьевича по громадным просторам района за полувековой период. Помогали автору старожилы города и района, в том числе и мы, его друзья. Всего «Словарь» содержит более 500 информации о населенных пунктах, реках, озерах района, старых поселениях. И в то же время в авторском предисловии Иван Прокопьевич сокрушается, что словарь его далеко не полон, в районе есть еще тысячи неупомянутых названий примечательных мест. Да, коротка, к сожалению, человеческая жизнь. Но и за то, что Захаров Иван Прокопьевич сумел сделать, он заслуживает великой благодарности современников и потомков. Талант и упорство позволили ему создать и последнюю книгу «Летопись народного подвига» об участии жителей Сургутского района в Великой Отечественной войне.

Хорошо помогал автору в создании этой книги районный Совет ветеранов, но эта помощь была малой частицей в объеме всей «летописи». Работая над книгами, Иван Прокопьевич постоянно звонил и читал отрывки, обсуждал отдельные выводы со многими людьми. На нас он проверял правоту своих суждений и реакцию будущих читателей. Так было и с «Летописью народного подвига».

Во многом наши взгляды совпадали, но иногда завязывались споры. Мы совершенно расходились с ним в оценке личности Сталина. Я говорил о миллионах репрессированных по его вине, называл и своего деда, передового бригадира Тундринского рыбоучастка, расстрелянного «за подготовку теракта против тов. Сталина» в 1938 году (дед и в Москве никогда не бывал, а на пароходе только до Омска надо было ехать тогда 9-10 дней, другого же транспорта не было!). Родители самого Ивана Прокопьевича, работающие крестьяне, также были высланы из родной деревни под Уватом. Приводил и другие доводы, но он оставался непреклонным и победу в войне с фашистами в большой степени считал заслугой Сталина. И все-таки в чем-то я его убедил, и из книги ушло немало страниц с дифирамбами Сталину и песнями о «вожде народов».

Иногда разногласия заходили так далеко, что мы с Иваном Прокопьевичем не звонили друг другу по два-три дня. На большее нас не хватало.

Вспоминаются и споры другого рода. Как-то сошлись мы с Николаем Ивановичем Ездаковым в горкоме партии. Я о нем уже писал в самом начале. Давно это было. Иван Прокопьевич похвалил стихотворение Николая Ивановича «Роняют кедровые шишки на песок...». К сожалению, я его так и не знаю до конца. И дернуло меня выскочить со своим замечанием, мол, в оперетте Кальмана есть очень похожая строчка «Цветы роняют лепестки на песок...». Что тут было! Пошли рассуждения о плагиате намеренном и невольном. И этот второй, дескать, вообще никакой не плагиат, а просто совпадение мыслей двух умных людей во времени и пространстве. Только доказать это бывает очень трудно. На том и сошлись. Наивно, но все было так. Зато к преднамеренному плагиату оба журналиста отнеслись крайне отрицательно и воинственно.

«НАСТАНЕТ ДЕНЬ...»

Иван Прокопьевич всегда называл себя большевиком. И был им в самом высоком понимании этого слова. Он восхищался людьми, посвятившими себя бескорыстному служению народу. И это не патетика, таких людей было немало. Его всегда привлекали сильные, цельные натуры, прославившие Сургут, наш край. К ним относил он в первую очередь Василия Васильевича Бахилова, Антонину Георгиевну Григорьеву, Фармана Курбановича Салманова и, пожалуй, Валентина Федоровича Солохина.

В фотоальбоме «Все нам дорого в этом городе» он привел целый список тех, кто, на его взгляд, оставил добрый след в истории нашего города и района. По его же признанию, сделанный им выбор, вполне возможно, субъективен. Будучи прирожденным романтиком, Иван Прокопьевич нередко идеализировал своих героев, но в главном, как он не раз утверждал, не ошибался.

Очень верно сказала о самом Иване Прокопьевиче журналистка Н.В. Кифорук: «Рядом с этим человеком улетучивались понятия «карьера», «деньги», «власть»... Ощущались другие ориентиры: доброта, совесть, долг».

Подходя к концу своего повествования, не могу не сказать, что Иван Прокопьевич очень болезненно переживал события в стране в последние десятилетия. В оценке нынешней российской жизни у нас не было разногласий: идет эпоха намеренного возрождения капитализма, уничтоженного Октябрьской революцией, в самом диком варианте. Олигархи подчистую ограбили народ с благословения верхов и обрекли его на нищету. Люди оказались совершенно

беззащитными перед напастями судьбы и произволом начальников. В самой власти чудовищная коррупция. Остановлены сотни промышленных предприятий. Полностью развалено сельское хозяйство. Безработная деревня спивается. Пьют дети, женщины, не говоря о мужчинах. Распадаются семьи, что ведет к невиданной беспризорности и преступности. Утрачивается культура народа, нарастает беспрепятственное растление молодежи. В совершенно униженное положение поставлена интеллигенция. Плюсы от коренного переустройства российской жизни на рыночный лад пока не идут ни в какое сравнение с отрицательными последствиями непродуманной политики государства.

Под влиянием таких печальных выводов, которые давно набили оскомину читателю, я написал для облегчения души два небольших стихотворения и прочитал их Ивану Прокопьевичу незадолго до того, как он слег в больницу.

СТЫДНО

*Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени.*

Н.А. Некрасов

Немало тех, кому от бога
Дано призванье педагога.
Они — творцы, они — поэты,
Хотя разуты и раздеты.

Зато какой-то клерк бездарный
Усыпан весь небесной манной.
Никчемен смысл его трудов,
Но вот зарплата — будь здоров!

Молчат правители России
О чем бы их ни попросили.
Когда ж таланты будут чтить
И, как положено, ценить!

Учителям до слез обидно,
Но *те* спокойны, *тем* не стыдно!

ЭЙ, НАВЕРХУ!

Вместо русских раздольных песен,
Тех, что сердце берут в полон,
Нынче пошлость, да грязь, да плесень
Так и лезут со всех сторон.

Лезут геи и лезут блудницы,
Все запродано — совесть, честь.
Стала сцена грязнее улицы,
Той, что некому больше месть!

А талантам пути заказаны,
Их не любят в родной стране.
Как взлететь, если крылья связаны,
Все святое горит в огне?

Иван Прокопьевич помолчал, потом тихо спросил: «А помнишь, как слушали Бернеса? У меня ведь были все пластинки с его песнями. Помнишь «Враги сожгли родную хату»? А «Журавли»?

Помню, Иван Прокопьевич. И не только те, что пел Марк Бернес. Твою любимую «Гляжу в озера синие» помню. И как верил ты, верю, что придут добрые времена. Хотя бы для внуков и правнуков.

Как жить без веры?

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Весенний ветер.....	5
Родимая земля.....	6
Мамы, оставайтесь молодыми.....	7
Бабье лето.....	8
Красив мой край.....	9
Осенние дожди.....	10
У широкой реки.....	11
Человек.....	12
Ты помнишь.....	13
Утро.....	14
Гурманы.....	15
На плаву.....	16
Заветный уголок.....	19
Фронтовикам.....	20
Эти женские руки.....	22
Память.....	23
Ты вернешься.....	24
Притяжение.....	25
Певец Югры.....	26
Весне навстречу.....	27
Обь великая.....	29
Обновление.....	31
Друту.....	32
К читателю.....	33
Белый Яр.....	34
Маме.....	35
Пой, гармонь.....	36
Зима.....	37
Ода железному другу.....	38
Ты, играй, мой баян.....	40

Когда приходит март.....	41
Раздумье.....	42

Для тех, кто еще летает во сне...

Наш город.....	43
Маленькое чудо.....	45
Радуга.....	45
В лесу.....	46
День рождения.....	47
Внуку.....	48
Новогодний цирк.....	48

Очерк

«Гляжу в озера синие...».....	51
-------------------------------	----

Редактор Д. Сергеев
Техническое и художественное редактирование И. Туриченко
Сург. художник Н.Н. Кудря, картина «Полет»
Фотоработы А. Бессмертных, Г. Корнилова
Корректор Н. Сурикова
Набор текста И. Калмыкова

Тираж 1000 экз.

